

М А К С И М

ЦХАИ

М А К С И М

.....
ЦХАЙ

ТЯЖЕЛАЯ РУКА
НЕЖНОСТИ

Москва
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ц91

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Любить. Драться. Мечтать»
выпускается с 2014 года

Дизайн переплета – *Екатерина Фerez*

Цхай, Максим.

Ц 91 Тяжелая рука нежности: [роман] / Максим Цхай. –
Москва : АСТ, 2015. – 320 с. – (Любить. Драться. Меч-
тать.)

ISBN 978-5-17-088307-3

Первая книга Максима Цхая «Вышибая двери» мгновенно вошла в списки бестселлеров, а читатели сразу же потребовали новых историй от «бродяги Макса» – легендарного блогера, шефа свирепой бригады вышибал в ночном клубе, черного рыцаря-байкера на ревущем коне и бесконечно доброго медбрата в хосписе. Ведь любому, кто прочел хоть строчку, он передал свою радость от каждого прошедшего мгновения, свежую энергию и любовь к интересному, смеющемуся, иногда сквозь слезы, миру. Людям должно быть хорошо, уверен писатель. И он делаем нам это «хорошо» снова и снова. «Потому что однажды они уходят от нас. Все и от всех. Любимые, самые дорогие, однажды уходят. И будет очень жаль, если до конца жизни так и не сможешь точно вспомнить, сколько раз вы поцеловались в то утро, прежде чем он сел в машину и не вернулся с работы больше Никогда...

УДК821.161.1
ББК84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088307-3

© М. Цхай, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Хороша! Ах, хороша.

Она в том коротком чудесном возрасте перехода от де-вушки к молодой женщине. Щедрый, но все еще трепет-ный расцвет.

Глаза большие, ярко-синие, с дымкой. Два упругих бе-лых парашюта впереди, того гляди на волю вырвутся. Губы полные, красные, с пурпурным отливом. Как будто чуть опаленные. И жар идет – изнутри.

– Герр Цхай!

– Угу.

Взлетели махаонами длинные ресницы, перехватила мой взгляд, чуть скривила полные губки, немного нерв-но и даже раздраженно поправила густые темно-русые волосы.

Ах, как жаль, что она полицейский. И где таких выра-щивают?

– Заполните бумаги.

– Видите ли, я не очень хорошо знаю немецкий язык, а вам же нужно без ошибок...

Вру, конечно. Леня просто. И прикольно.

Забирает у меня формуляр.

– Имя.

– Максим.

«А ваше?»

– Род занятий.

– Безработный второй месяц. Бывший начальник охраны танцхауса «Ангар».

– В Кобленце?

– Где же еще?!

– Отвечайте по существу. Хобби?

«Это-то зачем?!» Немецкая бюрократия абсурдна до смешного.

– Хобби имеете?

– Пить и курить!

Хмурится, две размашистые густые линии на ее чистом, лишь чуть великоватом лбу сходятся в одну.

Ставит прочерк.

– Привлекались уже?

– Четыре заявления на меня было. До суда не дошло ни одно.

– Вижу уже. Так, в позапрошлом году сняли с человека золотую цепочку...

– Простите, не снял, а порвал! Дело миром кончилось. К тому же он сам начал.

– Здесь все зафиксировано.

– Да кто бы сомневался!

– Вы в полиции, ведите себя подобающе. Образование?

– Учитель музыки.

– Прекратите паясничать, наконец!

– Тогда социальный педагог.

– Ситуация становится невыносимой!

– Простите, мне за дипломами съездить?

– Вы что, окончили университет?

– Да.

– Почему же тогда работали тюрштеером?¹

– А что, нельзя?

---

¹ Тюрштеер (нем.) – охранник в дискотеке и клубе, вышибала.

– Ваши дипломы не были признаны в Германии?
– Это долгая история. Давайте так, я вам все расскажу, а вы мне дадите свой номер телефона.

А что мне, собственно, терять?

Девушка фыркает возмущенно. Я, похоже, не в ее вкусе.

– Вы и так всё обязаны рассказать.

– А мое образование к делу не относится.

– Что ж, перейдем к делу. Что произошло возле дверей клуба «Конкорд» двенадцатого августа?

Заунывно, прикрыв глаза, сочиняю историю: потерпевший был пьяным, вел себя нагло, пришлось успокаивать, нет, не бил, толкал...

Врать полицейским не стыдно. Врешь-то закону, а такому закону, как в Германии, который вяжет тебя по рукам и ногам, не соврать – грех.

Девушка в полицейской форме печатает мои показания на компе.

Ну-ну...

Как она попала сюда?

– Значит, вы утверждаете, что не били его по лицу?

– Послушайте, давайте рассудим трезво. Посмотрите на мою руку. Если б я его ударил... Вы вообще этого мальчишку видели?

– Этого вам не нужно знать. Отвечайте четко и по делу.

– Так я по делу!

Стучат клавиши. В кабинете пахнет теплой бумагой и легкими, цветочными духами девушки. Как ей идет форма! Интересно, у нее наручники есть?..

– Прочтите и подпишите.

– Я свободен?

– Пока – да. Подождите-ка...

Снова открывает и смотрит в мои документы.

– Так ты русский?

– И ты, надо же...

– Никогда бы не сказала с первого взгляда!

– А я б сказал. Немки-полицейские – страшенькие.

– По-немецки ты, правда, не очень.

– А у тебя даже акцента нет, русского. Вот сейчас немецкий акцент есть!

– Так я в восемь лет сюда приехала. С мамой.

– Откуда?

– Из Новосибирска...

Смешно. Просто смешно. И как сразу мил и светел стал полицейский участок с его тяжелыми дверями под дуб и сине-свинцовыми стенами. Штирлицу по таким коридорам ходить.

– Кофе будешь?

– Ха, вот кофе мне в полиции еще не предлагали!

– Да ладно. Я здесь не так давно. А ты в байкерской куртке, значит, в мотобанде?

– Это так, вне протокола.

– Да. Как из «Ангара» ушел, стало времени свободно больше, подружился с байкерами, с президентом местного чаптера, отделения мотоклуба. Я ведь его с парнями не пустил однажды в клуб, в таком-то прикиде. Похоже, понравился ребятам. Поездил на их сборища, вот приняли к себе. Видишь нашивку? Это мой ранг в стае.

– Высокий?

– Невысокий. Пока... Слушай, а по протоколу... что мне светит в этот раз?

– Если свидетелей нет, ничего. Следов побоев на потерпевшем не зафиксировано.

– Я уже пятый год на фейс-контроле.

– Знаю, как...

Полицейская прыснула в кулачок. Ах, до чего идет тебе эта форма. Впрочем, на такую девушку какой костюмчик ни надень – все впору будет. И врачом, и училкой...

– Так ты его треснул все-таки?

– Пальцем не тронул. Ладошкой только.

– Ага... запишем... хи-хи.

– Давай так, ты мне свой номер телефона и потом пиши что хочешь.

– Нет, у меня уже есть друг, и ты... это... не мой тип.
А дело твоё веду не я. Учусь я ещё.

– И допрашиваешь уже?

– Да какой это допрос? Записала показания. Дело твоё – пустяк.

– И то правда, мафию бы лучше ловили.

– Мафией другой отдел занимается.

– Знаю я, чем они там занимаются, дармоеды.

А собственно, мне-то что? О себе думать надо.

Это хорошо, что моё дело – пустяк. Слава богу. А жаль, что ведёт не она.

Ах, как жаль...

Я б ей каждый вечер показания давал. И ночью. И даже утром.

Повезло её другу, что тут скажешь... Да нет у неё никакого друга, видно же.

Просто я ей – не тот.

Я вышел из здания полиции и потопал к мотоциклу. Вечерело. Ветер слегка ворошил мои пока ещё длинные лохмы. Да, наверное, я понемногу старею. Начинаю переживать обломы. Раньше думал – загорюсь только, и мне повезет обязательно. Ага. Тебе не семнадцать лет. И даже не двадцать пять. Тело крепко, мозг пока не заржавел, а вот свежести... Свежесть – самая скоропортящаяся штука на свете. Вот сколько лет этой девушке? Пожалуй, она могла бы быть подружкой моей младшей сестрочки Тони.

Я сел на мотоцикл и, низко подкудахтывая мотором, выехал на трассу.

Про битого пацана, из-за которого парился в участке целых два часа, я уже и забыл. Впрочем, не особо-то и парился.

Йе-е-еу!!! – обогнал я серебристый «мерседес». А вот и автобан.

Хороший мотоцикл, не придерешься. Масло вот только начинает подтекать слегка.

* * *

Никогда бы не смог работать в полиции. Хотя сам за «вселенскую справедливость» во всем. И за мораль, да. Впрочем, я скорее за нравственность, мораль – это не мое, с любой точки зрения. Различие? Заводить отношения с замужней женщиной – это аморально. Встречаться с женщиной друга – безнравственно. Я ничего не имею против первого и никогда не позволял себе второго. Мужчина должен быть разумен, но до определенного предела, иначе он не мужчина. Именно так. Если ты любишь, если тебя реально «ведет» на нее, то гори ясным пламенем все остальное. Тот, кто начинает задумываться в драке, проигрывает. Кто начинает сомневаться в любви – в сущности, такой же трус. Единственное, что должно остановить мужчину в подобной ситуации, – это благополучие женщины: если уверен, что не сломаешь ей жизнь, что она не будет страдать потом, – не останавливайся. Да, я хотел бы найти свою женщину и прожить всю жизнь только с ней. Если я буду ее любить, на фиг мне другие? Однажды я ждал встречи с любимой два года. (Идиот! Столько драгоценного времени потеряно.) Но я еще не уверен, что встречу теперь ее вообще, так перед кем мне чувствовать себя «виноватым»? И я готов отказаться от самых радужных перспектив, от самых разумных доводов, если меня «поведет» к женщине и ее «поведет» ко мне.

А дальше – будь что будет.

Жил так всю жизнь и ни разу не пожалел об этом. Никогда не надо бояться любви. Беречь сердце – решение индивидуальное. Да, если не беречь его – сносится, но иначе оно высохнет.

В конце концов, так жили поэты, так жили мудрецы-бродяги. Разбрасывая силы, черпая из колодца души полной чашей, презирая подсчет доходов и растрат... Может быть, потому жизненный путь обрывался у них часто в тридцать семь лет – в возрасте после тридцати

мужчина природу уже не особенно интересуется, она еще не отнимает у него сил, напуская старость, но уже и не поддерживает. А черпали ребята так же щедро – Пушкин, Маяковский, Артюр Рембо... Неплохая компания, и каждый исчерпал себя к этому возрасту. Жале-ли ли они?

Жизнь изменилась, срок стал длиннее, поэты и раз-долбаи последнего века дотянули верхнюю планку до со-рока двух, как Высоцкий и Джо Дассен.

Конечно, путь благоразумия выгоднее и эргономич-нее. Мне всего тридцать пять, а иногда кажется, что уже выгорел. Седина на висках, усталость от всего на свете, трепанные в ключья нервы – этим я расплатился за такой образ жизни и отношения с женщинами, последних лет в том числе. Что ж, везет не всегда.

Многовато растратил сил, прорываясь через густые ветки, и часто яблоко, которое я все-таки срывал, оказы-валось червивым.

Не полезешь – не узнаешь.

Поэтому не жалко. Ни сил, ни ободранной души.

Сбереженные зубы сгниют. Разумники живут дольше и сытнее. Всё так.

Но я не завидую им. Зачем мне такая жизнь? Чаше они завидуют мне, потому что у меня есть силы быть са-мим собой.

Женщина – это яблоко. Манкое, дразнящее, сияющее. Глупо, испугавшись сторожа или опасности, грохнуться с дерева, отказаться от добычи. А вдруг того не стоит? А вдруг сторож проснется? А вдруг яблоки кислые?..

Были и кислые.

Но ведь есть же и золотые яблоки.

Были и золотые...

Не завладеешь ими, так хоть в руках поддержишь, в ла-донях покатаешь, запах вдохнешь...

И пусть ободрана о ветви рожа, пусть сторож материт-ся и целится в задницу солью – потерплю!

Не мешайте мне. Я протягиваю руки к золотому яблоку. Солнечному, медовому, налитому соком и прозрачному от него. Маленькие косточки видны через румяную кожицу... Оно хочет, ждет, чтобы его сорвали... если не я, не ты – его сорвет кто-то другой.

И пусть потом соль жжет простреленную ягодицу. Пусть завтра будешь мучиться – ни встать, ни сесть. Пусть в школу напишут – хулиган, не дружите с ним...

Не откушу – так хоть запах вдохну...

Того стоит, поверьте.

У меня в душе целый сад драгоценных яблок. Золотых. Упавших в ладони, сорванных, украденных... Есть и те, к которым я только прикоснулся, хотел сорвать, да ветка выгнулась и – хоп! – яблоко снова на ветке качается... Ну и пусть. Это же мой сад.

И он всегда тихим неясным сиянием подсвечивает мою душу.

* * *

Вчера пережил один из сильнейших стрессов в своей и без того не самой спокойной жизни.

Я впервые ездил со своим мотоклубом колонной.

Нет, в этом действительно есть нечто завораживающее. В какой-то момент возникает ощущение слияния в единый организм, и только теперь мне стал понятен этот особенный кайф. Рычат моторы, дорожный капитан скользит между всадниками, мчащимися на бешеной скорости; направляя и упорядочивая движение, перекрывает своим мотоциклом общий поток автомашин на перекрестках, не обращая внимания на возмущенные сигналы водителей, вынужденных ждать, пока мимо промчится кавалькада всадников. Упругий ветер уперся подрагивающей от напряжения ладонью в твой шлем. Уже не рычит, а звенит мотор на пределе оборотов. Мечта, а не реальность. Я всегда думал, парни преувеличивают, гово-

ря, что движение в колонне идет на ста двадцати километрах в час с дистанцией между мотоциклами пять метров. На самом же деле средняя скорость мчащейся колонны в среднем не менее ста тридцати, с заскоком на сто семьдесят, а едут парни часто и вовсе плечо в плечо.

Президент нашего чаптера, местного отделения, хлопнув меня по плечу, определил место в хвосте колонны, сказав, чтобы я не обижался – новенький же. Я слегка надулся, и он попытался успокоить: «Макс, в этом нет унижения, просто если ты с непривычки опрокинешься, никто больше не пострадает».

Собравшись в условленном месте, мы надели шлемы. Заревели моторы, двое наиболее опытных байкеров перекрыли своими мотоциклами дорогу, и движение началось.

Что я могу сказать?..

Трудно? Очень. Ведь по автобану несутся не только мотоциклы, но и автомобили, и грузовики, нужно не просто следить за тем, чтобы не отрываться от своих, но и маневрировать, правильно оценивая ситуацию на дороге, мгновенно принимать единственно правильное решение – на такой скорости ошибешься всего один раз.

Однако через четверть часа гонки я пообвыкся и машинально обошел сразу двух всадников, мчавшихся впереди меня, и занял место в середине колонны. А на следующем же повороте ехавший впереди Стив резко сбавил скорость километров до ста. Помню только стремительно приближающийся нарисованный череп на его куртке. Я был уверен, что столкновение неминуемо. Бешено вцепившись в руль, чудом сумел вывернуть, колесо моего мотоцикла только чуть чиркнуло по пристегнутой сумке Стива, мы разошлись не более чем в десяти сантиметрах. Я так сжал зубы, что, как выяснилось часом позже, раскрошил себе резец.

Самое смешное – не было времени даже успокоить колющееся сердце, колонна мчалась дальше, я только сумел оскалиться, как от боли.

Доехав до места байкерского слета через час и остановившись, я еще какое-то время сидел на мотоцикле – отходил от легкого шока.

Словно в замедленном кино, видел, как спешились мои братья, Стив подошел и хлопнул меня тяжелой перчаткой по макушке шлема. Я усмехнулся: за мои трюки можно было бы и по морде дать.

Но это ничто по сравнению с обратной дорогой. Я уже не лихачил и строго держался своего места, вот только это не помогало.

Ехали ночью, в сильный дождь. Дорога, напомним, была мне совсем незнакома.

Скорость движения – 160 км в час. Ночью. В дождь.

В какой-то момент показалось, что все это бред какой-то – несутся, слепя дальним светом, автомобили по встречной полосе, видимость минимальная; на забрале расплющиваются капли дождя, дорога темна. А главное, совершенно невозможно определить расстояние до летящего впереди мотоцикла – горит только красный огонек; может быть, до него двадцать метров, а может быть, и два. Дороги практически не видно: где поворот, где можно разогнаться – не определишь. Ребята знают путь, а я-то еду в первый раз! В памяти остались только рябящие искрами фольги дорожные столбы и разделительные полосы автобана, слившиеся в одну белую линию. Помню еще, что я, плюнув на все, поднял забрало, и тут же мне в лицо будто ударил град щебня – водяные капли на скорости урагана превратились в камни. Но по крайней мере перестала расплываться впереди красная точка, обозначающая ближайший мотоцикл.

Ощущение было такое, словно мне вслепую надо даже не идти, а бежать по раскачивающемуся канату над клокочущей пропастью. Даже для опытных байкеров дорога оказалась трудна, мы дважды останавливались, собирая колонну, растянувшуюся в ночи километров на пять.

Добрались до здания клуба, темневшего на фоне грозового неба, как средневековый замок. Я никак не мог поверить, что цел и невредим, а рядом посмеиваются мои братья, стряхивая с себя капли дождя.

* * *

Уже четверть века хочется их попробовать. С тех пор, как прочитал про них в первый раз. Поведал мне о них Булгаков.

Вы послушайте, как звучит: «Сегодня мы ели сладкие весенние баккуроты».

Баккуроты! Весенние! Сегодня!

Я не знаю, какие они на самом деле – баккуроты. Собственно, и знать не хочу. Наверняка это какая-нибудь сморщенная фига с чернослив величиной и с горьковатым привкусом. В жизни ведь всегда так.

Но на самом деле я знаю: баккуроты – это растущие на дереве свежие слоеные пирожные с воздушным фруктовым кремом. И даже произносить их надо с особым древнеарамейским акцентом, с усиленным «к» – «баК-Куроты». Потому что они очень вкусные. Вот так.

И ели их весенним месяцем на зеленом холме, запивая водой из ручья, Иешуа, Павел и вся честная компания. Ели, прижмуриваясь от удовольствия и солнышка, со смехом вытаскивая чешуйки слоеного теста друг у друга из бороды...

Вот что такое весенние баккуроты. И не путайте меня!

А еще помните короля всех паштетов – паштет «Сюзерен»? Его первым приготовил мрачноватый немецкий сказочник Гауф с помощью Карлика Носа. Правда, там вечно не хватало одной травки...

Но как же он вкусен!

Как он хрустящ и в то же время нежен, остёр и чуть пощипывает язык, жадно впитывая в себя влагу, самый вкусный на свете паштет «Сюзерен».